

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.13>

Александрова Ольга Игоревна

ПИСИСТРАТ И МИЛЬТИАД СТАРШИЙ: КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ВЫВОДА КОЛОНИИ В ХЕРСОНЕС ФРАКИЙСКИЙ?

В статье ставится задача выяснить, кому принадлежала инициатива вывода афинского поселения в Херсонес Фракийский в середине VI в. до н.э.: было ли это исключительно частной экспедицией Мильтиада Старшего, или же можно проследить участие государства в лице тирана Писистрата. На основании анализа немногочисленных и противоречивых сведений из античных текстов автор приходит к выводу, что основание поселения было выгодно обеим сторонам, соответствовало духу афинской внешней политики того периода и, несомненно, способствовало укреплению позиций Афин во Фракийском регионе, поэтому возможно предполагать непосредственное участие Писистрата в организации афинской экспедиции в Херсонес Фракийский.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/1/13.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 62-66. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Всеобщая история

General History

УДК 94(38).04

Дата поступления рукописи: 04.11.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.13>

В статье ставится задача выяснить, кому принадлежала инициатива вывода афинского поселения в Херсонес Фракийский в середине VI в. до н.э.: было ли это исключительно частной экспедицией Мильтиада Старшего, или же можно проследить участие государства в лице тирана Писистрата. На основании анализа немногочисленных и противоречивых сведений из античных текстов автор приходит к выводу, что основание поселения было выгодно обеим сторонам, соответствовало духу афинской внешней политики того периода и, несомненно, способствовало укреплению позиций Афин во Фракийском регионе, поэтому возможно предполагать непосредственное участие Писистрата в организации афинской экспедиции в Херсонес Фракийский.

Ключевые слова и фразы: Афины; Херсонес Фракийский; Фракия; колонизация; Писистрат; Мильтиад.

Александрова Ольга Игоревна, к.и.н.

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
olgaalex@lenta.ru*

ПИСИСТРАТ И МИЛЬТИАД СТАРШИЙ: КТО БЫЛ ИНИЦИАТОРОМ ВЫВОДА КОЛОНИИ В ХЕРСОНЕС ФРАКИЙСКИЙ?

В середине VI века до н.э. перед афинским государством впервые встала проблема, которая будет сопровождать всю дальнейшую историю Афин: постоянная нехватка собственного зерна и хлеба. Один из главных хлебных рынков древности располагался в Причерноморье, и неудивительно, что Афины начинают осваивать морской путь в этот регион. Еще в конце VII века до н.э. афинянином Фриноном была предпринята попытка выведения колонии в Сигей, находившийся в Троаде, прямо у входа в пролив Геллеспонт (Hdt. IV, 38; V, 65, 91, 94-95; Diog. Laert. I, 74; Stb. XIII, 1, 38) [1], тогда же, возможно, на другом берегу пролива было основано поселение Элеунт (Ps.-Scymn. Per. 707-708) [8, с. 32; 19, р. 33]. Наконец, одним из важнейших этапов усиления Афин в Эгеиде в середине VI века до н.э. стало основание знатным аристократом Мильтиадом поселения в Херсонесе Фракийском.

Всестороннее рассмотрение этого эпизода с целью выяснения, сам ли Мильтиад был инициатором экспедиции афинян в Херсонес (как считает большинство исследователей), или же можно предполагать участие государства в лице находившегося на тот момент у власти тирана Писистрата, позволит на конкретном примере проработать вопрос соотношения роли государства и частной инициативы на раннем этапе афинской колонизации. Помимо этого, будет затронут ряд относящихся к данному сюжету аспектов, получивших освещение в историографии ранее, однако нуждающихся в пересмотре с учетом поставленной исследовательской задачи.

Необходимость обращения к данному сюжету вызвана, с одной стороны, тем фактом, что исследователи, как отечественные, так и зарубежные, тем или иным образом его рассматривавшие, до сих пор так и не пришли к единому мнению по целому ряду вопросов [6, с. 11, 16; 10, с. 42; 11, с. 71; 12, с. 107; 13, S. 12; 14, S. 34-36; 18, р. 430; 19, р. 33; 24, р. 455]. С другой стороны, актуальность обусловлена и непреходящим интересом к теме соотношения частного и государственного, к роли отдельной личности в важнейших для становления античного полиса процессах.

Общая событийная канва этого эпизода нам известна из «Истории» Геродота (Hdt. VI, 34-35) и краткой биографии Мильтиада у Корнелия Непота (Nep. Milt. 1-2). Согласно преданию, на Херсонесском полуострове обитало в то время племя долонков, долгое время без особого успеха враждовавшее с соседями – апсинтиями. Предводитель племени обратился в Дельфы, и полученный им оракул предписывал долонкам призвать правителя на свою землю того, кто первый окажет им гостеприимство, после того как они покинут святилище. Первым таким человеком оказался Мильтиад, афинянин из знатнейшего аристократического рода Филаидов, победитель Олимпийских игр, человек весьма богатый (ему по карману было содержать несколько коней), пользовавшийся на родине почетом и уважением (Hdt. VI, 35: ἀτὴρ ἑδυνάστευέ γε καὶ Μιλτιάδης ὁ Κυψέλου; Ср.: Nep. Milt. 1: Miltiades, Cimonis filius, Atheniensis, cum et antiquitate generis et gloria

maiorum et sua modestia unus omnium maxime floureret] [9, с. 294; 16, р. 293-312]. В историографии этого Мильтиада обычно упоминают с эпитетом Старший, чтобы отличать от племянника, знаменитого победителя персов при Марафоне. К нему и обратились долонки с просьбой стать их предводителем.

Мильтиад, который, как сообщает Геродот, тяготился властью Писистрата (ἀχθόμενον τε τῇ Πεισιστράτου ἀρχῇ), также обратился к оракулу и, после того как получил его одобрение, набрал отряд афинских добровольцев и отправился во Фракию. В Херсонесе Мильтиад вместе с долонками успешно разбил апсинтиев, после чего афиняне возвели стену и построили несколько укреплений. В херсонесских городах афинские поселенцы получили земельные наделы, тем самым значительно поправив свое материальное положение. Сам Мильтиад затем так и остался в Херсонесе, поскольку долонки, благодарные ему за помощь, провозгласили его тираном (Hdt. VI, 35-36; Nep. Milt., 2).

Эти довольно краткие сообщения античных авторов вызывают, однако, непрекращающиеся споры среди исследователей. И первый из моментов, который обращает на себя внимание, – это как раз сообщение о том, что Мильтиад тяготился властью Писистрата. Следует ли заключить из этого, что будущий херсонесский тиран находился в состоянии вражды с тираном афинским, и именно эта вражда заставила его под благовидным предлогом покинуть родной город [9, с. 42; 14, S. 10; 20, S. 53; 21, р. 123]? Как представляется, все не так очевидно.

Существует вполне обоснованное мнение, что в середине V века до н.э., когда Геродот писал свою «Историю» и когда уже сложилось негативное представление о тирании как таковой, многие знатные афинские семьи стремились убедить сограждан в том, что они никогда не поддерживали Писистрата и его наследников, даже если это не совсем соответствовало реальности [3, с. 42]. Всеми возможными способами открититься от подозрений в определенной связи с Писистратом хотели и Филаиды, тем более что, судя по всему, подозрения эти были не беспочвенны.

Дело в том, что родовые владения Писистрата располагались в местечке Браврон в окрестностях Афин, которое в классическую эпоху входило в состав дема Филаиды. Это неизбежно наводит на мысль, что два аристократических рода были, вероятно, весьма тесно связаны друг с другом, как минимум, в силу близкого географического расположения их владений. Сближению мог поспособствовать также еще тот факт, что, как считалось, оба семейства когда-то пришли в Афины из других областей Греции, а не являлись автохтонными [9, с. 179-180].

О том, что если и не весь род Писистратидов, то тиран лично был каким-то образом связан с Филаидами, нам говорят и свидетельства некоторых авторов, которые прямо причисляют Писистрата к этому роду (Plat. Hipparch. 228b: Πεισιστράτου δὲ υἱεὶ τοῦ ἐκ Φιλαϊδῶν; Plut. Sol. 10: δῆμον ἐπόνυμον Φιλαίου τῶν Φιλαϊδῶν ἔχουσι, ὅθεν ἦν Πεισιστράτος). С другой стороны, у Писистрата были сложные и не всегда дружественные отношения еще с одним знатным афинским родом – Алкмеонидами, которые были его прямыми политическими соперниками (Hdt. I, 61; Arist. Ath. pol. 15, 2) и с которыми, как отмечает И. Е. Суриков, Филаиды всегда находились в состоянии вражды [Там же, с. 298]. Вполне вероятно, что наличие общего соперника могло поспособствовать сближению двух семей. Да и сам Мильтиад Старший, возможно, какое-то время принадлежал к политической группировке диакриев, лидером которой был Писистрат, и в период восхождения последнего к власти мог оказывать будущему афинскому тирану определенную военную или финансовую помощь [Там же, с. 298-299].

Писистрат, в свою очередь, также, по всей видимости, не относился к Мильтиаду враждебно, иначе вряд ли Филаид мог бы пользоваться большим влиянием в Афинах. Х. Туманс, рассматривая этот сюжет, подробно разбирает использованный Геродотом глагол *ἐδυνάστευέ* (Hdt. VI, 35) со всеми его возможными значениями и приходит к выводу, что в данном случае он указывает именно на высокое положение Мильтиада, чуть ли не равное самому тирану [11, с. 62]. Как кажется, все это указывает скорее если не на дружеские отношения между Писистратом и Мильтиадом, то, как минимум, на отсутствие личной неприязни или вражды между ними. Этот факт, впрочем, не исключает естественного для представителей афинской аристократии архаического периода «здорового» соперничества.

Таким образом, не представляется возможным рассматривать экспедицию Мильтиада в Херсонес как следствие его вражды с Писистратом. Также видится сомнительным поводом для того, чтобы покинуть Афины, неприятие Мильтиадом тирании в принципе, ведь в Херсонесе он сам довольно быстро и без возражений с его стороны стал тираном. К тому же Мильтиад находился в близком родстве с Кипсолом, тираном Коринфа (Hdt. VI, 128; Кипсолом звали и отца будущего херсонесского тирана: Hdt. VI, 35).

Однако это еще не проясняет основную проблему, связанную с данным сюжетом и имеющую определяющее значение для истории всей ранней афинской колонизации: была ли экспедиция Мильтиада следствием частной инициативы или же можно предполагать участие государства в лице непосредственно Писистрата [6, с. 15; 13, S. 12]? В пользу частной инициативы говорит предполагаемое наличие у Мильтиада политических амбиций: он был победителем Олимпийский игр и уже поэтому пользовался в Афинах почетом и уважением. К этому фактору добавлялось и происхождение из знатного аристократического рода, всегда активно участвовавшего в политической жизни города. В совокупности все это, по мнению поддерживающих эту теорию исследователей, неминуемо должно было привести к желанию основать собственный город [10, с. 33, 42; 11, с. 63-69, 71; 14, S. 12; 18, р. 430; 19, р. 33]. Это было единственным выходом из ситуации, раз уж в родных Афинах власть была уже узурпирована не менее амбициозным и знатным Писистратом. Наконец, в пользу частного характера экспедиции в качестве аргумента приводят добровольный принцип формирования отправившегося с Мильтиадом отряда [11, с. 63-69; 14; S. 35]. Аргумент действительно веский, хотя и не бесспорный: схожая ситуация сложилась за некоторое время до этого, при захвате афинянами под предводительством Солона острова Саламин. Вместе с ним добровольцами отправились

пятьсот человек, и особым постановлением народного собрания было утверждено, что в случае успеха эти пять сотен добровольцев будут находиться во главе управления завоеванным островом (Plut. Sol., 9). Именно наличие специального постановления экклесии может говорить о том, что экспедиция не была, как утверждает Х. Туманс, просто «частной экспедицией в духе героической этики» [11, с. 69], а была снаряжена с помощью и при участии афинского государства. Возможно, подобное постановление было принято и при отбытии Мильтиада и его отряда в Херсонес, хотя утверждать с уверенностью это, конечно, невозможно.

Имеются и иные, более веские свидетельства в пользу участия государства в этой экспедиции. Во-первых, сразу обращает на себя внимание, что колонизация Херсонеса была мероприятием полностью в русле внешней политики Писистрата, которая во многом была направлена на усиление афинских позиций во Фракии. Так, во время своего второго изгнания из Афин будущий тиран принял участие в основании эретрийского поселения Рекел в районе Фермейского залива (Arist. Ath. pol. 15, 2: συνώκησε περὶ τὸν Θερμαῖον κόλπον χωρίον ὃ καλεῖται Ραϊκήλος) [15; 22, р. 194; 23, р. 183]. Это поселение находилось в стратегически важном месте: на пути к пангейским рудникам на реке Стримон, которые были бесценным источником необходимых для него денежных средств. Затем, именно во время тирании Писистрата афиняне смогли окончательно подчинить себе Сигей, до того бывший мегарской колонией и несколько раз переходивший из рук в руки, во главе которого Писистрат поставил своего незаконнорожденного сына Гегесистрата (Hdt. V, 94). Отправка поселения в Херсонес видится в свете этого закономерной частью политики по постепенному усилению афинского контроля над путем доставки причерноморского хлеба в Аттику, вне зависимости от того, когда конкретно произошло основание там афинского поселения. В основном исследователи склоняются к тому, что Мильтиад отправился во Фракию около 560 г. до н.э., что указывает на период, когда Писистрат еще не окончательно укрепился у власти в Афинах [5, с. 15; 10, с. 32; 12, с. 114].

В связи с этим небесполезно будет отметить, что планы завладеть Херсонесом существовали еще до Писистрата: как сообщает Диоген Лаэртский, еще Солон в начале VI века до н.э. убеждал сограждан присоединить эту территорию к Афинам (Diog. Laert. I, 47), а первая афинская колония в этой местности, Элеунт, как уже упоминалось выше, могла быть основана еще Фриноном в ходе экспедиции в Сигей [10, с. 32].

Любопытное в свете явного афинского интереса к фракийскому региону предположение было высказано в отечественной историографии еще С. Я. Лурье, который допускал существование определенного сговора Писистрата с Мильтиадом. Согласно этой теории, афинский тиран, зная о вражде долонков с соседним племенем, сам каким-либо образом посоветовал им обратиться в Дельфы и, соответственно, позаботился о выгодном для Афин предсказании [5, с. 15; 8, с. 155]. Впрочем, подобное предположение кажется слишком смелым. Во-первых, известно, что Писистрат находился с Дельфами не в самых дружеских отношениях: вряд ли он смог бы повлиять на оракул [7, с. 17-19]. Во-вторых, невозможно было гарантировать то, что долонки после этого направятся именно в Афины, да еще и не встретят на протяжении долгого пути через Фокею и Беотию никого, подходящего под условия предсказания. К тому же нельзя исключать вероятности того, что содержание оракула, полученного долонками, было приукрашено либо же вовсе придумано афинянами уже *post factum* для того, чтобы оправдать фактический захват Мильтиадом Херсонеса и появление там значительного числа афинских колонистов [2]. В пользу этого говорит и то, что нам неизвестно содержание иного предсказания, полученного уже самим Мильтиадом.

О том, что Мильтиад отправился в Херсонес не только в силу каких-то личных причин, говорит свидетельство Корнелия Непота, который в своем кратком жизнеописании Мильтиада не упоминает, к слову, ни долонков, ни их посольства, но зато прямо говорит о том, что афиняне в какой-то момент *захотели отправить колонистов* в Херсонес (Nep. Milt., I, 1: accidit ut Athenienses Chersonesum colonos vellent mittere). Примечательно, что оракул в этой версии получили уже сами афинские колонисты, отправившиеся в Дельфы спросить об имени будущего ойкиста, и Пифия прямо назвала им имя Мильтиада (Nep. Milt., I, 3: his consulentibus nominatim Pythia praecipit, ut Miltiadem imperatorem sibi sumerent). В данной версии колонисты действуют не совсем типично для греческой колонизации: как правило, сам будущий ойкист, решив отправиться в новое место, обращался к оракулу за благоприятным предсказанием [19, р. 25-29]. Но Непот в данном случае уточняет, что афиняне обратились в Дельфы, поскольку предстояло сражаться с фракийцами, которые населяли те места (Nep. Milt., I, 2: tum Thraeces eas regiones tenebant, cum quibus armis erat dimicandum), да и отправился Мильтиад в Херсонес не просто с добровольцами, а с отборным отрядом воинов (Nep. Milt. I, 4). С сообщением Непота согласен и Марцеллин, поздний комментатор Фукидида, который, в целом следуя версии Геродота, говорит тем не менее о том, что это Писистрат отослал Мильтиада, снабдив его отрядом, поскольку был рад уходу влиятельного соперника (Vita Thuc., 7). Возможно, в этом следует видеть подтверждение того, что экспедиция изначально рассматривалась не просто как частная, но как полноценный и заранее спланированный военный поход: мимоходом Непот упоминает, что по дороге Мильтиад предпринял попытку (впрочем, в этот раз неудачную) подчинить власти афинян еще и остров Лемнос (Nep. Milt., I, 4).

Конечно, рассматривая это свидетельство, необходимо учитывать, что Корнелий Непот – поздний римский автор, его жизнеописания по большей части являются очень краткими биографическими справками, и к тому же он очевидно путает двух Мильтиадов, Старшего и Младшего – говоря одновременно и об отправке колонистов в Херсонес, и о захвате Лемноса, и о Марафонском сражении (Ср.: Milt., I и Milt., V-VI), приписывает все эти достижения знаменитому афинскому полководцу. Тем не менее, возможно, это сообщение указывает на устойчивую традицию, согласно которой не только собственное желание Мильтиада и его неприязнь к Писистрату побудили его отправиться во Фракию.

Наконец, важно попытаться понять, как было организовано управление Херсонесом после появления там афинян. По большей части все наши источники молчат по этому поводу, однако некоторые выводы все же можно сделать. Мильтиад, получив тираническую власть на полуострове, судя по всему, вовсе не становился независимым от Писистрата и афинского государства в целом. Как сообщает Непот, «с неослабеваемым усердием служил он и родине своей, Афинам, и потому сохранял за собой бессменную верховную власть не только по желанию тех, с которыми выселился, но и по воле пославших его» (Nep. Milt., II, 3). Мильтиад и его наследники, по всей видимости, сохраняли афинское гражданство, что видно из сообщения Геродота о привлечении в Афинах к судебному разбирательству по обвинению в тирании Мильтиада Младшего (Hdt., VI, 104). Обвинять в тирании, поставленной в конце VI века до н.э. в Афинах вне закона, правителя независимого Херсонеса было бы совершенно нелогично. К тому же Мильтиад Младший впоследствии несколько раз занимал высшие должности в Афинах, что определенно указывает на сохранение им гражданства родного города [10, с. 42].

На территории полуострова за время тирании Мильтиада и его преемников афинянами переселенцами было основано несколько городов, например, Критот и Пактия (Ps.-Scymn. 711). Вероятно, определенная часть этих колонистов также сохраняла гражданство родного города, т.е. формально они являлись афинскими клерухами [Там же]. В историографии имеется даже интересное предположение В. Эренберга, согласно которому эти города могли рассматриваться Писистратом непосредственно как часть афинских владений, и, тем самым, власть Филаидов в Херсонесе напрямую ограничивалась [17, p. 121].

Наконец, в пользу того, что Афины считали Херсонес Фракийский в определенной степени своим владением, может говорить эпизод, в котором город еще раз напрямую вмешался в судьбу афинского поселения там: это сюжет, относящийся к периоду уже после смерти Мильтиада Старшего и его наследника Стесагора, погибшего в стычке с местными племенами. Геродот сообщает, что сыновья Писистрата, Гиппий и Гиппарх, поспособствовали отправке туда Мильтиада Младшего «с триерой, чтобы он захватил верховную власть» (Hdt. VI, 38), т.е. еще раз подчеркивается важность этой территории для афинян и ее подчиненное положение.

Рассматривая вопрос о том, частным ли предприятием была экспедиция Мильтиада или же инициатором ее отправки был Писистрат, особенно следует подчеркнуть, что, по сути, аргументы в пользу обеих версий не противоречат друг другу: желание Мильтиада реализовать свои политические амбиции вполне могло совпасть с государственными интересами. Так или иначе, выгода херсонесской экспедиции и для Писистрата, и для Мильтиада в любом случае очевидна: первый избавлялся от потенциального конкурента и соперника, что было особенно важно в тот период, когда тиран ее не укрепился у власти, при этом создавался очаг афинского влияния в стратегически важном фракийском регионе, а второй становился полноправным тираном в Херсонесе, что позволяло в полной мере удовлетворить его политические амбиции. Как справедливо подчеркнула в одной из своих работ Н. А. Касаткина, в данном случае следует принимать во внимание «прихотливое переплетение казалось бы несоединимых элементов: личностно-тиранического и полисно-государственного» [5, с. 24].

Таким образом, учитывая все рассмотренные выше факторы и гипотезы, а также важность Херсонеса Фракийского для афинского государства, можно с большой долей уверенности говорить о некоем взаимовыгодном договоре Писистрата и Мильтиада и предполагать, что, во-первых, экспедиция Мильтиада в Херсонес являлась одним из важнейших шагов по укреплению позиций Афин во Фракийском регионе, а во-вторых, она была организована не только с ведома афинского тирана, но и, с большой долей вероятности, по его инициативе.

Список источников

1. **Александрова О. И.** Первые шаги афинской колонизации: экспедиция Фринона в Сигей // *Метаморфозы истории*. 2015. № 6. С. 118-127.
2. **Александрова О. И.** Роль оракула в афинской колонизационной практике // *Герценовские чтения – 2015. Актуальные проблемы всеобщей истории: сборник научных трудов / отв. ред. и сост. Т. В. Кудрявцева*. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. Вып. 1. С. 14-23.
3. **Владимирская О. Ю.** Мильтиад Старший – ойкист: к вопросу о взаимоотношениях аристократов и тиранов // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2002. № 2. С. 33-42.
4. **Геродот.** *История* / пер. с древнегреч. и коммент. Г. А. Стратановского. М.: АСТ, 2007. 672 с.
5. **Касаткина Н. А.** Ранние военно-земледельческие поселения афинян (VI в. до н.э.) // *Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи / отв. ред. В. М. Строгоцкий*. Горький: Издательство ГГУ им. Н. И. Лобачевского, 1985. С. 4-25.
6. **Корнелий Непот.** О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. М.: Изд-во МГУ, 1992. 208 с.
7. **Кулишова О. В.** Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // *Античный полис. Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества / под ред. Э. Д. Фролова*. СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. С. 12-27.
8. **Лурье С. Я.** *История Греции*. СПб.: Издательство СПбГУ, 1993. 680 с.
9. **Суриков И. Е.** *Античная Греция. Политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика*. М.: Наука, 2005. 349 с.
10. **Суриков И. Е.** Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология*. 2010. № 14. С. 20-48.
11. **Туманс Х.** Мильтиад Старший как зеркало греческой колонизации // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2014. № 14. С. 59-94.
12. **Шувалов В. В.** Борьба Афин за черноморские проливы в архаический период // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира*. 2008. № 7. С. 105-118.
13. **Bengtson H.** Einzelpersönlichkeit und athenischer Staat zur Zeit des Peisistratos und Miltiades // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften*. München, 1939. S. 5-67.

14. Berve H. Miltiades. Studien zur Geschichte des Mannes und seiner Zeit. Berlin: Weidmann, 1937. 111 S.
15. Cole J. W. Peisistratus on the Strymon // Greece and Rome. 1975. Vol. 22. № 1. P. 42-44.
16. Davies J. K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. 653 p.
17. Ehrenberg V. Aspects of the Ancient World. Oxford: B. Blackwell, 1946. 256 p.
18. Figueira T. J. Colonization in the Classical Period // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas: in 3 vols. / ed. G. R. Tsetsckhladze. Leiden – Boston: Brill, 2008. Vol. 2. P. 427-523.
19. Graham A. J. Colony and Mother City in Ancient Greece. N. Y.: Barnes & Noble, 1964. 259 p.
20. Miller T. Die griechische Kolonisation in Spiegel literarischen Zeugnisse. Tübingen: G. N. Verlag, 1997. 337 S.
21. Tiverios M. Greek Colonisation of the North Aegean // Greek Colonisation. An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas: in 3 vols. / ed. G. R. Tsetsckhladze. Leiden – Boston: Brill, 2008. Vol. 2. P. 1-154.
22. Viviers D. Pisistratus' settlement on the Thermaic Gulf: a connection with Eretrian colonization // Journal of Hellenic Studies. 1987. Vol. 107. P. 193-195.
23. Walker K. G. Archaic Eretria. A Political and Social History from the Earliest Times to 490 B.C. L. – N. Y.: Routledge, 2004. 348 p.
24. Will Ed. Sur L' evolution des rapports entre colonies et métropoles en Grèce à partir du VI siècle // La Nouvelle Clio. 1954. Vol. 6. P. 413-460.

**PEISISTRATOS AND MILTIADES THE ELDER:
WHO WAS THE INITIATOR OF THE COLONY MOVE IN THRACIAN CHERSONESE?**

Aleksandrova Ol'ga Igorevna, Ph. D. in History
The Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg
olgaalex@lenta.ru

The article aims to find out who was the initiator of the Athenian settlement move in Thracian Chersonese in the middle of the VI century B.C.: was it exclusively a private expedition of Miltiades the Elder, or is it possible to trace the state participation in the person of the tyrant Peisistratos? Basing on the analysis of scarce and contradictory information from ancient texts, the author comes to the conclusion that the settlement establishment was beneficial to both parties, consistent with the spirit of the Athenian foreign policy of that period, and undoubtedly contributed to strengthening the position of Athens in the Thracian region, therefore it is possible to assume Peisistratos' direct involvement in the arrangement of the Athenian expedition to Thracian Chersonese.

Key words and phrases: Athens; Thracian Chersonese; Thrace; colonisation; Peisistratos; Miltiades.

УДК 93/94; 070.001

Дата поступления рукописи: 29.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.14>

В статье представлен анализ информационной деятельности британских СМИ в годы Второй мировой войны. Целью работы является изучение особенностей взаимодействия правительственных органов со всеми каналами СМИ. Новизна исследования заключается в том, что проводится комплексное рассмотрение деятельности коалиционного правительства и Министерства информации по отношению к британским СМИ на основе привлечения оригинального материала. Авторы определяют этапы эволюции информационной политики правительственных кругов и устанавливают, что им удалось преодолеть трудности и наладить эффективную пропаганду в период военных действий.

Ключевые слова и фразы: СМИ Великобритании; правящие круги Великобритании; «пресс-бароны»; коалиционное правительство У. Черчилля; Министерство информации; пропагандистские кампании; цензура; радиокорпорация Би-Би-Си; сетка вещания; британская пресса; информационные агентства; кинематография.

Малаховская Вера Владимировна, к. филол. н.
Малаховский Алексей Кимович, к.и.н., доцент
Российский университет дружбы народов, г. Москва
malakhovskaya-vv@pfur.ru; malakhovskiy_ak@pfur.ru

**БРИТАНСКИЕ СМИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ:
ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Второе десятилетие XXI в. ознаменовано интенсификацией информационных войн в мировом информационном пространстве. Наряду с США заметную роль в информационных кампаниях, направленных против Российской Федерации, играет Великобритания, обладающая мощной системой СМИ, одной из старейших в мире. Вторая мировая война в значительной мере повлияла на методы работы и стилистику британских СМИ, на способы взаимодействия прессы, информационных агентств, радиовещания, кинематографа с правящими кругами страны, а также на формирование системы внешнеполитической пропаганды. Учитывая значительную роль СМИ Великобритании в мировом информационном пространстве в годы Второй мировой войны, в период «холодной войны», в постсоветский период, избранная тема представляется весьма актуальной.